

Карпелес Густав

**История еврейской
литературы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г96

Г96 **Густав К.**
История еврейской литературы / Карпелес Густав – М.: Книга по Требованию,
2025. – 547 с.

ISBN 978-5-519-88488-4

ISBN 978-5-519-88488-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Общее введене	Стр. 1
Первый періодъ. Библейская литература.	
Введеніе	17
Историческія книги	28
Поэзія Библии .	58
Литература пророческая . .	92
Канонъ . .	116
Періодъ второй. Еврейско-Эллинская литература.	
Введеніе .	121
Комментированіе Писанія.	132
Апокрифы. . .	150
Эллинистская литература .	184
Періодъ третій. Талмудическая литература.	
Введеніе	236
Мишна . .	249
Талмудъ	265
Мидрашъ и Тайное Ученіе, Таргумъ и Масора . .	295
Четвертый періодъ. Еврейско-арабско-испанская литература.	
Введеніе .	328
Начала ново-еврейской поэзіи и науки.	342
Караимы и Раббаниты	359
Еврейско-арабская литература въ Испаніи .	401
Толкователи Библии и изслѣдователи Талмуда	504
Пятый періодъ. Раввинская литература.	
Введеніе	541
Борьба между философіей и наукой .	551

II

	Стр.
Каббала	599
Эпиграфы I, II	621. 730
Эпоха „Возрожденія“ и Гуманизма	735
Новыя теченія.	813
Позднѣйшая раввинская литература	869
Еврейско-нѣмецкая (жаргонная) литература	906
Исслѣдованія христіанъ въ еврейской наукѣ	938

Шестой періодъ. Современная еврейская литература.

Введеніе	953
Школа Мендельсона	965
Наука іудейства	1002
Поэзія и беллетристика.	1026

Литературныя указанія.	1036
Алфавитный указатель именъ авторовъ	I

Предисловіе автора.

Предлагаемый трудъ предпринятъ не съ цѣлью угодить кому либо и не цѣлью укорять кого нибудь, точно также онъ не имѣетъ въ виду никакой догматической или вѣроисповѣдной точки зрѣнія. Онъ исключительно вытекаетъ изъ стремленія присоединить къ многочисленнымъ камнямъ, собраннымъ уже для воздвиженія великаго, обнимающаго всѣ языки и народы зданія *мировой литературы* и изложеніе той литературы, которая въ одно и то же время должна считаться одною изъ самыхъ старшихъ и одною изъ самыхъ младшихъ и которая среди той всеобщей литературы хотя и не занимаетъ послѣдняго мѣста по своему значенію, однако, до сихъ поръ дѣйствительно занимала если не послѣднее, то во всякомъ случаѣ одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ въ литературахъ культурныхъ народовъ.

Трудъ этотъ, безъ сомнѣнія, возбудитъ различныя и, вѣроятно, небезосновательныя упреки, въ немъ найдутъ много промаховъ и недостатковъ—всему этому я могу только противопоставить тотъ фактъ, что эта книга есть первое общее изложеніе исторіи еврейской литературы для образованныхъ читателей. При такой цѣли, само собою разумѣется, исключается всякая библіографическая полнота, и точно также въ такомъ произведеніи никто не станетъ искать ученую хронику или подробную исторію отдѣльныхъ наукъ. Книга моя основана на высказанномъ однимъ изъ великихъ предшественниковъ мотивѣ, что исторія литературы—не есть исторія книгъ, а исторія идей, господствующихъ въ извѣстныя времена, и тѣхъ главныхъ теченій, которыя проходятъ по историко-культурной жизни.

Въ этомъ смыслѣ я ревностно старался, чтобы въ моей книгѣ не было и слѣда того духа, который господствуетъ въ наши дни, не ушедшіе еще въ область исторіи. Удалось-ли мнѣ осуществить это мое честное стремленіе къ объективности—я не знаю. И не было-ли также еще слишкомъ рано приняться за такое изложеніе, послѣ того, какъ прошло едва шестьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ впервые были набросаны основныя черты исторіи еврейской литературы—объ этомъ я долженъ предоставить судить критикамъ. Но съ радостью я признаю, что безъ замѣчательныхъ подготовительныхъ работъ, созданныхъ въ теченіе этого времени такими учеными, какъ Цунцъ, Штейншнейдеръ, Рапопортъ, Луццатто, Иеллинекъ, Франкель, Гретцъ, Гейгеръ, Мункъ, Деличъ, Кассель, Берлинеръ, Иоэль и др., мой трудъ, само собою разумѣется, былъ бы совершенно невозможенъ. Въ этомъ признаніи заключается, конечно, уже и та благодарность, которою я обязанъ этимъ мужамъ за то руководство и тѣ познанія, которыя я нашелъ въ ихъ книгахъ.

Сомнѣнію въ томъ—законно-ли присовокупленіе этого произведенія къ циклу исторій *европейскихъ* литературъ, я могу противопоставить то соображеніе, что самая значительная часть представленнаго здѣсь литературнаго и научнаго историческаго развитія, начиная почти съ десятаго вѣка, происходила на *европейской* культурной почвѣ.

Г. К.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Общее Введение.

Исторія еврейской литературы обнимаетъ собой всю письменность евреевъ отъ древнѣйшихъ временъ ихъ исторіи до настоящей поры, безъ различія формы и языка, а равно и содержаніе этой письменности,—это послѣднее по крайней мѣрѣ въ средневѣковую эпоху. Въ этомъ заключается ея своеобразность, точно также какъ и право ея существованія относительно другихъ литературъ. Существова больше трехъ тысячелѣтій, она приняла въ себя почти всѣ крупныя фазисы развитія умственной жизни человѣчества, переработала ихъ своими собственными воззрѣніями и такимъ образомъ сдѣлалась важнымъ дополненіемъ всемірной литературы въ ея великой совокупности. Изъ всѣхъ народовъ семитическаго происхожденія евреи одни только сохранили свою литературу, тогда какъ отъ другихъ остались только развалины и ничтожныя отрывки *. Прозвѣтаніе этой литературы относится естественно къ той порѣ, когда еврейскій народъ составилъ особую національность и создалъ ту великую библейскую письменность, которая сдѣлалась воспитательною книгою человѣчества. Но эта библейская литература есть только фундаментъ, на которомъ выстроилась позднѣйшая еврейская; этимъ легко объясняется существующій анахронизмъ постоянныхъ разсужденій о еврейской литературѣ, тогда какъ слѣдовало говорить сперва

* Это утвержденіе автора придется значительно видоизмѣнить. Дошедшія до насъ памятники сирийской литературы, ставшіе извѣстными въ послѣднее время довольно значительны. Что же касается арабской литературы, то въ ней господствуетъ настоящій *embarras des richesses*, и въ количественномъ отношеніи эта литература во всякомъ случаѣ далеко превосходитъ еврейскую. Ред.

о литературѣ библейской, и уже только послѣ вавилонскаго плѣненія—о собственно еврейской. Но что библейская литература есть часть еврейской,—это, ко вреду послѣдней, слишкомъ долго упускалось изъ виду или отрицалось.

Вообще эта еврейская литература имѣетъ своеобразно-незавидную судьбу. На долю ея выпали тѣ же страданья, которыя испытываютъ и евреи со временъ разрушенія ихъ національной самостоятельности. Къ этому присоединяется еще особый предразсудокъ, неблагопріятно вліяющій на нее. Уже нѣсколько столѣтій ее называютъ *раввинской* литературой—названіе, данное ей христіанскими богословами, всегда смотрѣвшими на еврейскихъ писателей не иначе, какъ на противниковъ побѣдившей религіи, какъ на представителей оспариваемаго принципа, т. е. какъ на раввиновъ. А между тѣмъ титулъ „раввинъ“ былъ просто почетное прозвище и имѣлъ мало общаго съ литературными заслугами. Въ этомъ же кругу созданъ предразсудокъ, что еврейская литература имѣетъ исключительно *богословскій* характеръ. Но и онъ совершенно неоснователенъ, какъ будетъ доказано въ настоящемъ трудѣ. Не какое нибудь отдѣльное направленіе,—а „вся совокупная дѣятельность челоувѣческаго ума отражается въ еврейскихъ, точно также какъ и въ нееврейскихъ произведеніяхъ, которымъ поэтому не подобаетъ особое названіе, заимствованное у извѣстныхъ эпохъ и извѣстныхъ школъ.“

Не менѣе неправильно названіе и *новоеврейская* литература, тоже обязанное своимъ происхожденіемъ предразсудку, желающему отдѣлить древне библейскую письменность отъ позднѣйшей литературы. Новоеврейская литература есть только часть еврейской, обнимающей собой важнѣйшія группы языковъ. Еврейская литература заключаетъ въ себѣ сочиненія на еврейскомъ, арамейскомъ, греческомъ, арабскомъ, испанскомъ, итальянскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и многихъ другихъ языкахъ и нарѣчіяхъ.

Въ этомъ прохожденіи сквозь столько языковъ и въ этомъ соприсоединеніи со столькими литературами находится одна изъ главныхъ трудностей систематическаго изложенія еврейской литературы. Между тѣмъ

какъ въ другихъ странахъ національность и языкъ большею частью покрываютъ другъ друга и этимъ создаютъ собственную національную литературу, еврейскій народъ воспринималъ языки всѣхъ націй, между которыми ему приходилось жить, и совершалъ свое умственное развитіе помощью всѣхъ языковъ. Греческая мудрость, персидское религіозное воззрѣніе, римское право, арабская философія, испанская поэзія, нѣмецкій цѣль легендъ—все ассимилируется съ этой литературой и все это группируется ею около своей Библіи, первоисточника этой литературы.

Вслѣдствіе этого исторіи еврейской литературы, если она желаетъ быть систематическою и руководствоваться научными принципами — приходится заниматься всѣми тѣми умственными произведеніями евреевъ, въ которыхъ отпечатлѣваются еврейское міровоззрѣніе, еврейская культура, еврейскій образъ мыслей, еврейское чувство. И поэтому ей не слѣдуетъ избѣгать привлеченія въ свою область чужихъ, повидимому совершенно далекихъ отъ нея отраслей знанія, на сколько эти послѣднія вліяли на собственно литературное развитіе.

Вторая трудность изложенія этой литературы заключается въ томъ обстоятельствѣ, что она создала такіе своеобразные литературные отдѣлы, для которыхъ въ нашемъ научномъ языкѣ не существуетъ никакой терминологіи и объясненіе которыхъ представляется по этому довольно затруднительнымъ. Точное толкованіе этихъ именъ и направленій почти невозможно; и приходится вслѣдствіе этого прибѣгать къ аналогіямъ для общаго уясненія предмета.

Третье, правда только внѣшнее затрудненіе имѣетъ источникъ въ томъ фактѣ, что съ этою еврейскою литературою, столь долго остававшеюся въ пренебреженіи, начали знакомиться надлежащимъ образомъ и подвергать ее историко-литературной и критической обработкѣ всего какихъ нибудь пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Поэтому понятно, что хотя работа въ этой области производилась и производится съ удивительнымъ прилежаніемъ, но отдѣльныя части исторіи еврейской литературы

находятся еще въ полной тѣмѣ и нуждаются въ особенной, осторожной обработкѣ.

Съ предвзятымъ взглядомъ на эту въ своемъ родѣ единственную литературу невозможно узнать и оцѣнить ее, какъ слѣдуетъ. Только предъ тѣмъ гуманнымъ, сердечнымъ чувствомъ, для котораго не чуждо ничто человѣческое и которое сочувствуетъ всякому умственному развитію на пути къ высшимъ цѣлямъ и высшему единенію, — только предъ нимъ можетъ она раскрыться во всей своей своеобразности. Только такой гуманный умъ пойметъ, что эта литература самымъ тѣснымъ образомъ связана съ культурой древнихъ, съ происхожденіемъ и развитіемъ христіанства и со всѣми значительными научными направленіями средневѣковой эпохи; „захватывая собой умственные теченія предшествующихъ временъ и поры современной, раздѣляя ихъ боренія и страданія, она въ то же время становится дополненіемъ всеобщей литературы, но со своимъ особымъ организмомъ, который будучи познаваемъ по общимъ законамъ, въ свою очередь помогаетъ познавать общее.“

Когда о еврейскомъ народѣ говорятъ, что его исторія есть въ то же время его литература, — то это не фраза. Въ настоящемъ трудѣ выяснится и подтвердится фактъ, что исторія еврейской литературы есть въ своей сущности и исторія еврейскаго народа. И если уже уцѣлѣніе этого народа со времени потери его политической самостоятельности составляетъ одну изъ величайшихъ загадокъ всемірной исторіи, то еще болѣе загадочнымъ могло бы представиться то обстоятельство, что еврейское племя, не смотря на всѣ страданія и гоненія, умѣло создать дѣйствительную и значительную національную литературу — не заключающаю съ другой стороны въ этомъ самомъ фактѣ ясное разрѣшеніе загадки. Именно эта умственная подвижность, именно это участіе во всякомъ научномъ развитіи, именно постоянная литературная работа были причинами того, что еврейское племя среди темной и длинной ночи среднихъ вѣковъ окрѣпло, закалилось и сдѣлалось способнымъ ко всякому сопротивленію. Его литература сохранила его самого и потому-то слова, которыми вѣрующій еврей прощается съ суднымъ днемъ: „ничего не оста-

лось намъ, ничего, кромѣ этого ученія“ — звучать особенно задушевно и трогательно. Не о себѣ и своемъ домѣ, не о своемъ народѣ и погибшемъ Сіонѣ думаетъ онъ въ тѣ минуты, когда послѣдніе солнечные лучи великаго дня золотятъ его молитву, — нѣтъ, его дума только объ этомъ ученіи, единственномъ клейнодѣ, оставшемся у него и послужившемъ его средствомъ самосохраненія во всѣхъ бѣдствіяхъ и странствіяхъ изгнанія. Великое дѣло созданія еврейской литературы, не перестававшей въ теченіи трехъ тысячелѣтій, съ внутреннею необходимостью, вырастать изъ національнаго элемента еврейства, остается въ своей глубокой сущности непонятнымъ, если не понимать и не изучать его съ этой религіозно-національной точки зрѣнія.

Но чуть стали мы на эту точку, предъ нами является созданіе органическое, развитіе генетическое, представители котораго образуютъ великое своеобразное цѣлое, не вполне исчерпываемое названіемъ религіозное товарищество и не совсѣмъ точно выражаемое словомъ національность. Уже бѣглое обозрѣніе пути, пройденнаго еврейскою литературою, даетъ возможность усмотрѣть въ ней прочный организмъ и систематическое развитіе, которые могли оставаться скрытыми для предразсудка только потому, что это развитіе служить и всей культурной жизни въ ея совокупности, и что этотъ организмъ, уже благодаря присущему ему нравственному значенію, имѣетъ полное право на уваженіе.

Родина человѣческой культуры есть вмѣстѣ съ тѣмъ и колыбель еврейской литературы. Своимъ роскошнѣйшимъ расцвѣтомъ она обязана солнцу востока, и прекраснѣйшіе плоды ея созрѣли на нивахъ священной для всего человѣчества земли. Она красуется въ полномъ цвѣтѣ уже тогда, когда нѣтъ еще и помину о тѣхъ литературахъ, которымъ суждено было далеко превзойти ее и подчинить своему вліянію, когда въ Элладѣ едва зачиналась весна богатой умственной жизни и только что приступали къ собиранію Гомеровыхъ пѣснопѣній. На дальнѣйшемъ пути своего развитія и созрѣванія она создаетъ образы, полные поэтическаго и теоретическаго значенія. За упадкомъ религіозной и національной жизни слѣдуетъ и упадокъ литературы. Она освѣщается

затѣмъ отъ соприкосновенія съ греческимъ духомъ, который въ эту пору достигаетъ своего полнаго расцвѣта, но чрезъ нѣсколько времени онъ поработается и уничтожается духомъ еврейскаго ученія, видоизмѣнившимся въ христіанство. Впослѣдствіи, когда язычество уже уничтожило политическое существованіе евреевъ, побѣдившее христіанство старается истребить и духовную жизнь ихъ. И вотъ изгнанники пускаются въ свое великое изгнанническое странствіе съ одною книгою, можно сказать—со всею своею литературой!

Но въ тѣхъ странахъ, куда эллинскій духъ едва проникъ, еврейская литература развилась въ странную, но прочную разновидность, а еврейское законоученіе выработало изъ себя громадное зданіе, надъ сооруженіемъ котораго трудились съ пчелинымъ прилежаніемъ нѣсколько поколѣній и которому суждено было служить любимую умственную пищу для нѣсколькихъ послѣдующихъ столѣтій. Типическіе образы для всего позднѣйшаго развитія еврейской литературы кристаллизируются въ Галахъ и Гаггадъ—о которыхъ намъ придется еще говорить подробно ниже—развившихся вѣроятно въ свою очередь изъ предшествовавшихъ библейскихъ типовъ, изъ закона и пророчества. Справедливо замѣчали, что Галаха содѣйствовала созданію партикуляризма еврейства и его литературы, а Гаггада—ихъ универсализму,—двухъ особенностей, которыя затѣмъ частью идутъ рядомъ, частью же смѣняють или дополняютъ другъ друга. „Галаха истолковываетъ и развиваетъ національный законъ, какъ это дѣлаетъ священникъ, она оперируетъ холоднымъ и трезвымъ разсудкомъ, который не только въ отдѣльной личности, но и въ цѣломъ народѣ склоненъ къ эгоизму, она для разрѣшенія своихъ задачъ беретъ себѣ въ помощь логику и герменевтику, и всеѣмъ этимъ естественно укрѣпляетъ партикуляристическое самосознаніе. Гаггада, которая вступаетъ въ область философіи и украшаетъ себя цвѣтами поэзіи, учитъ созерцать дѣла природы, защищаетъ Израиля отъ нападеній враждебныхъ народовъ, бичуетъ слабости и пороки націи, обсуждаетъ семейныя дѣла, говоритъ объ измѣнчивости человѣческой участи на землѣ, старается развеселить печальныхъ, ободрить